

7. Ромашкин, П. С. Амнистия и помилование в СССР / П. С. Ромашки. – М. : Госюриздат, 1959. – 430 с.

8. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. / под ред. И. Т. Голякова. – М. : Госюриздат, 1953. – 463 с.

9. Школа, С. М. Кримінально-правові проблеми застосування амністії та здійснення помилування в Україні : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С. М. Школа. – Київ, 2004. – 20 с.

10. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР: (1953–1991 гг.). – Казань : Изд-во Казан. ун-та. – Ч. 1: Законодательство СССР, 1992. – 270 с.

11. О формах актов Президиума Верховного Совета СССР по вопросам помилования : постановление Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1964 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1964. – № 48. – Ст. 541.

УДК 343.8

Ю. А. Реент

Y. A. Reuent

Академия ФСИН России (г. Рязань)

**ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПОЛИЦИИ И ОБЩЕСТВА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
GENERAL CHARACTERISTICS OF THE RELATIONS
BETWEEN THE POLICE AND SOCIETY OF THE RUSSIAN
EMPIRE IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY**

***Аннотация.** Основным содержанием статьи является выявление характера взаимоотношений чинов полиции с представителями населения буржуазно-монархической России в условиях обострения противоречий, вызванных ослаблением роли государства в обществе. Для достижения поставленных целей исследования используется анализ деятельности должностных лиц, сопоставление их опыта и допущенных ошибок. Автором предлагаются современные оценки административного регулирования проблем общественного правопорядка в годы правления Николая II.*

***Summary.** The main content of the article is to identify the nature of the relationship of police officials with representatives of the population of the bourgeois-monarchist Russia in the conditions of aggravation of contradictions caused by the weakening of the role of the state in society. To achieve the objectives of the study uses analysis of the activities of officials, a comparison of their experience and mistakes. The author offers a contemporary assessment of the administrative regulation of the problems of public order in the reign of Nicholas II.*

***Ключевые слова:** история государства и права, социальные слои, нормы поведения чинов полиции в обществе, история России начала XX в., полицейская система, воспитательная работа с кадрами.*

Keywords: *history of state and law, social classes, standards of conduct of police officials in the society, the history of Russia of the early XX c., the police system, educational work with staff.*

Формирование современных концепций правоохранительной деятельности государства невозможно без глубокого изучения опыта функционирования полицейских систем на различных этапах его развития. Целостность любой социальной системы относительна, тогда как причины, побуждающие к внутреннему совершенствованию, существуют постоянно. Актуальность рассматриваемой проблемы определяется не только очевидными пробелами в исследовании истории взаимоотношений полиции и общества, но и современными объективными потребностями государства в условиях экономических кризисов и потенциальной нестабильности.

Степень научной разработанности рассматриваемой проблемы в специальной литературе представляется неполной, неоднородной и не всегда достаточно объективной. Исследование характера взаимоотношений полиции и общества предполагает необходимость уточнения последнего понятия. Для буржуазно-монархической Российской империи общество характеризуется значительной неоднородностью. Но нельзя не учитывать, что полицейские служащие – это тоже часть общества.

Настороженное отношение к представителям полицейской власти издавна воспитывалось в народных массах с раннего возраста. Непослушного ребенка традиционно пугали тем, что отдадут его городовому или уряднику. Естественно, детские впечатления подсознательно переносятся на мысли и действия зрелого человека. Многое зависит от воспитания, но целая гамма впечатлений – от страха до обиды – не исчезает бесследно.

В условиях любого общества немаловажным обстоятельством, определяющим стиль жизни человека, а посредством этого и восприятие окружающих, являлся уровень его достатка. Работа, не обеспечивающая хорошего дохода, автоматически формировала негативное отношение к людям, вынужденным ее исполнять. Пресса начала XX в. признавала, что издевательская тональность при критике полиции проистекает из-за того, что никто не хочет заглянуть глубже в ее жизнь. Для многих читателей явилось откровением, что по уровню жизни полицейских чинов (от околоточного и ниже) можно было квалифицировать лишь как нищих [1, с. 2].

Поэтому следует признать, что при скудном материальном обеспечении и тяжелых условиях работы в сочетании с негативным общественным мнением полицейские части и околотки не могли быть в должной мере обеспечены опытными, добропорядочными и подготовленными специалистами. Нижние чины полицейского ведомства представляли собой

чаще грубых, невоспитанных, плохо образованных людей [2, с. 327]. В отличие от них отдельные представители среднего и старшего звеньев имели возможность самостоятельно себя обеспечить, хотя и не всегда вполне законно. Как следствие, повсеместно распространилось взяточничество, снизилось качество исполнения службы полицейскими чинами.

Нельзя сказать, что с таким злом не боролись, но выражалось это в форме отдельных кампаний. В результате, например, в Москве к началу революции 1905–1907 годов полицейские структуры оказались «обезглавленными». Помощник градоначальника генерал-майор барон Будберг был снят с должности не только в связи с тем, что «пользовался крайней не любовью жителей за грубость», но и за проявление «материальной некорректности». По тем же мотивам двух полицмейстеров пришлось направить в отставку, а полковника Аршева официально уволить за взяточничество.

Даже в высших эшелонах полицейской иерархии время от времени вскрывались достаточно грязные истории. Так, один из видных деятелей МВД П.Н. Дурново был освобожден от должности директора Департамента полиции за использование секретной агентуры в целях наблюдения за любовницей. По словам К.Д. Кафафова, ходили упорные слухи, что, оставляя свой пост, П.Н. Дурново прихватил с собою 75 тыс. рублей, предназначенных на тайную агентуру. Тем не менее позже он был назначен Министром внутренних дел. После освобождения от этой должности им была увезена казенная мебель из служебной квартиры [3, с. 49, 53].

Все случаи столкновений полиции и населения, которыми был богат исследуемый период, народ связывал с конкретными городскими, стражниками, жандармами. Но вырисовывались и общие тенденции. Как отмечал В.И. Ленин, «противозаконное и дикое битье в полиции происходит в Российской империи – без преувеличения можно сказать – ежедневно, ежечасно. А до суда доходит оно в совершенно исключительных и крайне редких случаях..., ибо преступником является та самая полиция, которой вверено в России раскрытие преступлений» [4, с. 412–413].

Отметим, что отношение населения к полицейским служащим характеризовалось явными контрастами. В определенных случаях всенародно признавалась их необходимость и полезность для общества. Однако нередкими бывали и ситуации, в которых оценка полиции россиянами была негативной. Как полиция должна относиться к обществу, замечая и фиксируя его нерасположенность к себе? Существует два варианта. Первый – в соответствии с требованиями законов, инструкций и других нормативных актов. Второй – на основе индивидуального осознания допу-

стимой реакции. Важно заметить, что эти варианты зачастую не совпадали.

Обратимся к первой модели реализации отношений полицейских служащих к населению. В значительной мере это было ожидаемое от них, идеализируемое поведение. Как в центре, так и на местах уделялось достаточно внимания разработке и законодательному закреплению норм взаимоотношения чинов полиции с представителями общества. Стражи правопорядка обязывались «относиться к заподозренным и ко всем вообще лицам... спокойно, вежливо и терпеливо, отнюдь не позволяя себе... прибегать к каким-либо насильственным действиям или угрозам для получения сознания или нужных сведений» [5, с. 3].

Предполагалось, что повсеместно каждый из полицейских служащих «в публичных местах, в нарядах и т. п., должен быть со всеми вежлив, серьезен и сдержан. Суетливость, оскорбительное обращение и резкость в словах или в действиях вредят делу и уничтожают его достоинство» [6, с. 8]. Обращаясь к руководящим полицейским чинам, Нижегородский губернатор А.Ф. Гирс отметил, что «полиция должна быть справедлива и закономерна, ибо, допуская произвол..., она явилась бы сама виновницей неизбежного в этом случае недовольства» [7, с. 2]. Очевидно, что население хотело бы видеть служителей правопорядка доброжелательными, неутомимыми в борьбе с преступными явлениями, пресекающими зло в зародыше. И все же высказать пожелание мало, необходимо воспитывать кадры, а этот элемент работы в органах полиции был ослаблен.

Для преодоления данного недостатка в 1915 г. на основе вышедших нормативных актов был издан большим тиражом «Букварь современного городского». В каждой из 60 его статей содержалась полезная информация о порядке и характере действий в различных жизненных ситуациях. Значительная часть рекомендаций была нацелена на формирование правильных взаимоотношений между полицейскими чинами и населением. Например, ст. 27.2 обязывала городских «вежливо и почтительно относиться к публике, стараясь как можно точнее и определеннее ответить на все вопросы, изъявляя всегда готовность оказать законное содействие». Общая же тональность документа сводилась к тому, что на любом служащем управления «лежит ответственность за честь полицейского мундира и за законность полицейских действий» [8, с. 21–22].

Вторая поведенческая модель полицейского служащего по отношению к представителям населения была более реалистична и многовариантна. Ее формирование напрямую зависело от ряда специфических нюансов. Во-первых, в значительной мере поведение полицейского определялось тем, с представителем какого социального слоя приходится об-

щаться. Если перед ним было лицо общественно значимое, то характер поведения мало отличался от эталонной первой модели, разве что появлялась не предусмотренная законами услужливость, заискивание.

Это не скрывали и сами служители правопорядка. Из свидетельств судебного следователя 3-го участка г. Москвы мы узнаем, что в случаях разбирательств по преступлениям, совершенным против простых обывателей, «деятельность сыскной полиции сводится к нулю и обычно ограничивается канцелярской отпиской о том, что такой-то или то-то не обнаружены. В противовес сказанному другой его коллега отмечал, что «по делам, в которых задеты имущественные интересы лиц состоятельных, розыск производится тщательно, берет на себя много сил и времени» [9, с. 37].

Наиболее запутанными были отношения между полицией и влиятельными лицами, склонными к правонарушениям и уверенными в собственной безнаказанности. Гарантом тому были связи, порою доходившие до самого Императорского Двора. Нередко оказывалось, что собранные полицией доказательства вместо основания для осуждения преступника становились поводом для расправы над блюстителем порядка. Ввиду крайне негативного отношения значительной части «света» особенно много материалов подобного плана стало общедоступно в отношении приближенного царской семьи Григория Распутина.

В одном из рапортов, составленных на имя командира Отдельного корпуса жандармов чиновником Московского жандармского управления подполковником П. Казимаковым, отмечалось: «Г.Е. Распутин, будучи в московском ресторане «Яр», учинил громкий скандал, переросший в громадную потасовку между его людьми, полицией с одной стороны, и отдыхающими – с другой. В результате чего семь человек получили тяжкие телесные повреждения, из которых один человек скончался в больнице...» [10, с. 61].

Попытка развенчать в глазах царя святость «старца» окончилась для руководителя жандармов «высочайшим» нагоняем, а подполковника Казимакова перевели в глубинку с понижением в чине и должности. Интриги решали очень многое. Если уж распространялась паутина сплетен против какого-либо чиновника, то его карьера, как правило, рушилась окончательно. И все же Департамент полиции и жандармерия не относились к тем ведомствам, угрожать которым можно было безнаказанно.

На местном уровне также всегда находились личности, причастные к незаконной деятельности, но в значительной степени «неприкасаемые» вследствие занимаемого высокого положения. В своих мемуарах жандармский генерал А. Спиридович вспоминал, как киевский генерал-

губернатор зло подшучивал над ним, предлагая для обыска собственную кандидатуру. Дескать, потом и проделки чинов пониже будет расследовать не так страшно. Оба, конечно, понимали, что в работе с сильными мира сего нужно быть очень осторожными и к репрессивным действиям следует приступать, только обладая всеми необходимыми доказательствами их причастности к преступлению. Но уж если «все сходилось», то жандармская полиция, в отличие от общей, могла себе позволить быть принципиальной до конца.

В отношениях полиции к простому народу многое зависело от индивидуального характера полицейского, его настроения, обстоятельств произошедших служебных и неслужебных контактов. По роду работы полицейским гораздо чаще, чем другим гражданам, приходилось контактировать с социальными изгоями. Вероятно, в силу этого их поведение редко приближалось к лучшим образцам. Так уж устроен человек, что сильнее, чем десяток доброжелательных встреч с представителями власти запомнится лишь одна, но вызвавшая отрицательные эмоции.

К сожалению, нередко случалось, что стражи правопорядка вольно или невольно готовили почву для негативного к себе отношения собственными непродуманными действиями. Например, летом 1906 года в Пятигорске произошел неприятный инцидент. Около 150 человек вышло с кладбища после похорон. Казаки приняли их за демонстрацию и, не выясняя деталей, принялись избивать людей прикладами. Местный пристав не удосужился предпринять никаких мер по прекращению побоища [11, л. 1]. На окраинах империи подобные «полицейские операции» зачастую выливались в открытые бесчинства. Годом ранее в Тифлисе произошло кровопролитие. Из окон грузинской дворянской гимназии неизвестным лицом была брошена бомба в местного полицмейстера. Казаки с полицейскими ворвались в здание и застрелили инспектора гимназии, ранили троих учителей, а остальных избили и арестовали. Как выяснило следствие, все они к террористическому акту не имели никакого отношения [12, л. 2]. В феврале 1907 г. комендант Ялты генерал Думбадзе в ответ на попытку совершить на него покушение не только задержал террориста, но и арестовал всех обитателей дома, откуда прозвучал выстрел, а сам дом сжег.

Но это примеры событий, допущенных по недомыслию или в состоянии аффекта. Более опасными представляются подобные действия властей, подготовленные сознательно. В частности, комиссия Министерства юстиции была вынуждена признать, что полицмейстер Семипалатинска длительное время искусственно обострял в городе обстановку, дабы оправдать применение наиболее жестких карательных мер [13, л. 45]. Это был не единичный случай, а широко практикуемая система. Косвенно

подтверждая это, Дума сделала ряд депутатских запросов в МВД и Минюст по поводу участия Департамента полиции в возбуждении одной части населения против другой. Выяснилось, что данным ведомством в столице была учреждена типография, в которой печатались, а позже – распространялись «воззвания», призывающие к избиению инородцев и интеллигенции. Руководил ей офицер Отдельного корпуса жандармов Комиссаров [14, л. 2]. Аналогичные факты были вскрыты в Вологде, Калязине и Царицыне [15].

Отсутствие действенного контроля над карательными структурами со стороны государства и общества в конечном итоге приводили к событиям, характерным для средневековья. Не прокуратура и не жандармерия, а независимая пресса вскрывала подобные возмутительные факты. Например, газета «XX век» в номере от 25 мая 1906 года со ссылкой на официальные документы и свидетельства известных лиц сообщила сведения о жесточайших пытках, применявшихся чинами Рижской полиции и пехотным офицером из военного суда, по отношению к арестованным. С целью вынудить признание о якобы совершенных преступлениях они подвергали задержанных избиениям, пыткам, расстреливали арестантов в присутствии остальных. Нечто подобное происходило и в Усть-Двинске [16, л. 2]. Все это всерьез встревожило местное население, депутатов Думы.

Вышеизложенное посвящено оценке взаимоотношений полиции с различными категориями законопослушных граждан. Но проблему нельзя признать раскрытой без выявления психологических, этических и иных связей между полицейскими учреждениями и тем контингентом, для борьбы с которым они и были созданы. Взаимоотношения полиции с представителями криминальной среды были неоднозначны. Следует заметить, что организованная преступность в России – это явление, имеющее долгую историю. Для крупнейших городов в начале XX века было характерным наличие целых преступных сообществ.

Для Москвы районами повышенной криминальной активности в первую очередь были окрестности Хитрова и Сухарева рынков. Использование обычных форм поддержания порядка там желаемого результата не давало. Несколько полицейских, закрепленных за этими территориями, являлись в известной степени лишь заинтересованными наблюдателями. В случае серьезного давления со стороны начальства они были в состоянии оказать действенную помощь для раскрытия почти любого преступления, но самостоятельной инициативы в таких вопросах не проявляли. Общеизвестен факт, когда следователь по особо важным делам В.Ф. Кейзер напрямую спросил у авторитетного в этом районе городского Рудни-

кова, действительно ли тот знает местонахождение беглых преступников и не производит их ареста. Ответ был незамысловат, но правдив: «Вот потому двадцать годов и стою на том посту, а то и дня не простоишь, пришлют! Конечно, всех знаю» [17, с. 18].

Все это не означало, что чины полиции боялись или заискивали перед преступниками. Напротив, они умели поставить себя так, чтобы завоевать своеобразный авторитет в этой среде. Представители городского «дна» уважали тех стражей порядка, которые обходились с ними по справедливости. С серьезными же преступниками и отношения были иными. Представители общей полиции хотя и собирали на криминальных авторитетов информацию, но открытым репрессивным действиям предпочитали выжидательную позицию. Всерьез названной категорией начинали заниматься, когда была подготовлена в отношении них хорошая агентурная база, раскрывавшая их ближайшие намерения.

Было трудно определить истинное лицо полицейского начальника, что обуславливалось различными обстоятельствами. Нередко приходилось исполнять даже роль своего рода духовника, выслушивающего как откровения, так и необоснованные жалобы.

Охраняя власть имущих от народа, полицейские чины были чужими и в той, и в другой среде. Презрительное пренебрежение, демонстрируемое по отношению к ним «благородными» гражданами, определялось словесными предрассудками. Простое же население не могло их простить не столько за преданную службу общим угнетателям, сколько за злоупотребления и личные притеснения, пусть даже и законные.

Неудивительно, что события февраля 1917 г. стали своего рода испытанием на гражданственность для полицейских структур. Борьба с уголовными преступлениями виделась им необходимым элементом государственной деятельности. Обоснованность же борьбы со всем народом, с теми его группами, которые ратовали за внедрение европейских стандартов социальных отношений, ставилась ими под сомнение. Видимо, это явилось одной из важных причин отсутствия в большинстве регионов какого-либо активного противодействия личного состава полиции решению Временного правительства о полной ликвидации старой полицейской машины.

Библиографический список

1. Полиция и хулиганство // Голос Севера. – Архангельск. – 1906. – 20 сент.
2. Путилин, И. Д. Иван Путилин. Русский Шерлок Холмс. Записки начальника Санкт-Петербургского сыска / И. Д. Путилин. – М. : Эксмо-Пресс, 2001. – 416 с.

3. Бородин, А. П. П. Н. Дурново: портрет царского сановника / А. П. Бородин // Отечественная история. – 2000. – № 3. – С. 48–69.
4. Ленин, В. И. Бей, но не до смерти / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5-е. – М. : Политиздат, – Т. 4. – С. 401–416.
5. Инструкция чинам полиции Варшавского судебного округа при производстве дознаний по преступлениям и проступкам. – Варшава : Тип. ген.-губернатора, 1908. – 99 с.
6. Инструкция чинам сыскных отделений. – СПб. : Тип. МВД, 1910. – 102 с.
7. Журнал совещания уездных исправников Нижегородской губернии по вопросам полицейской службы. 19–22 апреля 1916 года. – Н. Новгород : Тип. губ. правл., 1916. – 71 с.
8. Кукушкин, В. М. Твоя профессиональная этика / В. М. Кукушкин. – М. : Кодекс, 1994. – 64 с.
9. Мулукаев, Р. Сказ о сыске / Р. С. Мулукаев, В. И. Полубинский // Милиция. – 1990. – № 9. – С. 37–38.
10. Фаткудинов, З. Резидент «Черная вдова» / З. Фаткудинов // Преступление и наказание. – 1998. – № 4. – С. 61.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1278. Оп. 1. Д. 349. Л. 1.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1278. Оп. 1. Д. 351. Л. 2.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1405. Оп. 237. Д. 21. Л. 45.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1278. Оп. 1. Д. 355. Л. 2.
15. Речь : Ежедневная газета, центральный орган Конституционно-демократической партии. – СПб. – 1906. – № 63.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1278. Оп. 1. Д. 383. Л. 1–4.
17. Гиляровский, В. Москва и москвичи / В. Гиляровский. – М. : Художественная литература, 1981. – 384 с.